

ЧУЖЕСТЬ И ОТЧУЖДЕНИЕ В ПОЭЗИИ Ф. ВЕРФЕЛЯ И А. ЭРЕНШТЕЙНА

А. С. Камаева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, askamayeva@gmail.com*

Цель данного исследования – выявление особенностей реализации философско-эстетических принципов «чужест» и «отчуждение» в австрийском экспрессионизме. В качестве объектов рассматриваются стихотворения «На земле мы все чужие» («Fremde sind wir auf der Erde alle») Франца Верфеля и «Я жизнью и смертью утомлен» («Ich bin des Lebens und des Todes müde») Альберта Эренштейна, написанные в 1914–1919 гг. В исследовании доказываемся, что принципы «чужест» и «отчуждение» в экспрессионизме, в частности в литературе, определяют темы, образы и поэтические приемы, которые отражают мировоззрение и мироощущение начала XX века.

Ключевые слова: австрийская литература; экспрессионизм, чужест; отчуждение; Библия; Франц Верфель; Альберт Эренштейн.

ЧУЖАСЦЬ І АДЧУЖЭННЕ Ў ПАЭЗІІ Ф. ВЕРФЕЛЯ І А. ЭРЭНШТЭЙНА

А. С. Камаева

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь, askamayeva@gmail.com*

Мэта дадзенага даследавання – выяўленне асаблівасцяў рэалізацыі філасофска-эстэтычных прынцыпаў «чужасць» і «адчужэнне» ў аўстрыйскім экспрэсіянізме. У якасці аб'ектаў разглядаюцца вершы «На зямлі мы ўсе чужыя» («Fremde sind wir auf der Erde alle») Франца Верфеля і «Я жыццём і смерцю стомлены» («Ich bin des Lebens und des Todes müde») Альберта Эрэнштэйна, напісаныя ў 1914–1919 гг. У даследаванні даказваецца, што прынцыпы «чужасць» і «адчужэнне» у экспрэсіянізме, у прыватнасці ў літаратуры, вызначаюць тэмы, вобразы і паэтычныя прыёмы, якія адлюстроўваюць светапогляд і светаадчуванне пачатку XX стагоддзя.

Ключавыя словы: аўстрыйская літаратура; экспрэсіянізм; чужасць; адчужэнне; Біблія; Франц Верфель; Альберт Эренштейн.

Начало XX в. стало переломным периодом для мировой истории. Оно принесло с собой надежды на становление нового общества, на преобразующие облик Европы и всего мира урбанизацию и индустриализацию, но и одновременно потрясло человечество трагедиями двух мировых войн

и гибелью старого миропорядка. Этот противоречивый период нашел отражение в искусстве, а именно в плеяде многочисленных модернистских направлений, среди которых особое место занимает экспрессионизм.

Экспрессионизм, зародившийся в живописи в 1900-е гг., быстро распространил свое влияние на другие виды искусств. Особенно сильное влияние он имел в литературе, поднимая темы борьбы прошлого и будущего и разрыва связи между традицией и новаторством. В самой природе экспрессионизма – как его немецкого, так и австрийского варианта – находится противопоставление, поэтому такие принципы, как «чуждость» и «отчуждение», нашли отражение в произведениях художников и писателей-экспрессионистов, а также в изданиях, посвященных новому художественному направлению и его философии. В качестве примера можно процитировать российскую исследовательницу Н. В. Пестову, которая так писала об австрийском экспрессионистском журнале «Дер Анbruch» («Der Anbruch»): «Журнал становится настоящим экспериментальным полем для освоения чужого, чуждого, странного; “чуждость” обрушивается с его страниц на читателя во всех ее профилях как отчуждение от Бога, от природы, от ближнего, от мира и от самого себя» [1, с. 262].

В качестве примера реализации принципов «чуждость» и «отчуждение» первым будет рассмотрено стихотворение Ф. Верфеля «На земле мы все чужие» («Fremde sind wir auf der Erde alle») из изданного во время Первой мировой войны поэтического сборника «Друг другу» («Einander», 1915):

Tötet euch mit Dämpfen und mit Messern, / Schleudert Schrecken, hohe Heimatworte, / Werft dahin um Erde euer Leben! / Die Geliebte ist euch nicht gegeben. / Alle Lande werden zu Gewässern, / Unterm Fuß zerrinnen euch die Orte. // Mögen Städte aufwärts sich gestalten, / Niniveh, ein Gottestrotz von Steinen! / Ach es ist ein Fluch in unserm Wallen... / Flüchtig muß vor uns das Feste fallen, / Was wir halten, ist nicht mehr zu halten, / Und am Ende bleibt uns nichts als Weinen. // Berge sind und Flächen sind geduldig... / Staunen, wie wir auf- und niederweichen. / Fluß wird alles, wo wir eingezogen. / Wer zum Sein noch Mein sagt, ist betrogen. / Schuldvoll sind wir, und uns selber schuldig, / Unser Teil ist: Schuld, sie zu begleichen! // Mütter leben, daß sie uns entschwinden. / Und das Haus ist, daß es uns zerfalle. / Selige Blicke, daß sie uns entfliehen. / Selbst der Schlag des Herzens ist geliehen, / Fremde sind wir auf der Erde Alle, / Und es stirbt, womit wir uns verbinden [2, S. 72–73].

‘Убивайте себя парами и ножами, / Разбрасывайте ужас, высокие слова об отечестве, / Бросайте свои жизни на землю! / Любимая вам не дана. / Все земли станут водами, / Под вашими ногами растают поселения. // Смогут города ввысь подняться, / Ниневия, гордость Бога из камня! / Ах, проклятие в наших скитаниях... / Мгновенно должна перед нами наша крепость пасть, / То, что мы держим, уже не удержать, / И в конце остается нам только плакать. // Горы и равнины терпеливы... / Удивляет, как мы слабеем и падаем. / Все становится рекой, в которую мы вошли. / Кто бытию еще «мое» говорит, тот обманут. / Осознаем свою вину мы, и перед самими собой вино-

ваты, / Наша участь: вина, в ней раскаяться! // Матери живут, чтобы [перед нами] исчезнуть. / И дом [есть], чтобы [перед нами] разрушился. / Счастливые взгляды, что от нас ускользают. / Даже биение сердца взято в долг, / Чужие мы на земле все, / И умирает то, с чем мы связаны' (здесь и далее подстрочный перевод наш. – А. К.).

Это лирическое произведение, структурно представленное четырьмя шестистишиями с рифмой *abccab*, является по своему настроению и форме антивоенным плачем, в котором гармонично соединяются сюжеты из библейских текстов и аллюзии на события Первой мировой войны.

Первая строфа является своеобразным переосмыслением агитационного призыва, который, однако, не вдохновляет на славную победу, но взывает к саморазрушению и распространению хаоса и террора: «Tötet euch mit Dämpfen und mit Messern, / Schleudert Schrecken, hohe Heimatworte, / Werft dahin um Erde euer Leben!»). Таким образом, Ф. Верфель показывает вырождение людей, опьяненных желанием убивать своих братьев ради якобы благородной, но совершенно чуждой им идеи. Эта мысль подчеркивается в следующих трех стихах, где война вытесняет общечеловеческие ценности (например, любовь), а само человечество отчуждает себя от Бога и становится подобным всеразрушающей стихии, стирающей все живое на своем пути. В последнем можно заметить аллюзию на сюжет о Всемирном потопе:

И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди; / все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло. / Истребилось всякое существо, которое было на поверхности [всей] земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, – все истребилось с земли, остался только Ной и что было с ним в ковчеге [3, Быт. 7:21–23].

Однако, в отличие от библейского текста, писатель не оставляет надежды на возможное возрождение человечества: он предсказывает его гибель в мировой войне, что раскрывается в следующих строфах стихотворения, созвучных Книге Екклезиаста и ее главному посланию: «Суета сует, сказал Екклезиаст, суета сует, – всё суета!» [3, Екк. 1:2].

Так, во втором шестистишии Ф. Верфель обращается к образу Ниневии, столицы Ассирийского государства в первом тысячелетии до н.э., история которой раскрывается в двух священных текстах – Книге пророка Ионы и Книге пророка Наума. Автор соединяет сюжеты из обоих произведений, показывая спасение города и его разрушение по воле Божьей; тем самым, он отмечает скоротечность всего сотворенного людьми и чуждость самого человека земному миру и божественному Первоначалу в христианском понимании:

И встал Иона и пошел в Ниневию, по слову Господню; Ниневия же была город великий у Бога, на три дня ходьбы. / И начал Иона ходить по городу, сколько можно

пройти в один день, и проповедовал, говоря: еще сорок дней и Ниневия будет разрушена! / И поверили Ниневитяне Богу, и объявили пост, и оделись во вретиса, от большого из них до малого. / <...> И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел [3, Ион. 3:1–5, 10].

Благ Господь, убежище в день скорби, и знает надеющихся на Него. / Но всепоглощающим наводнением разрушит до основания Ниневию, и врагов Его постигнет мрак. / Что умышляете вы против Господа? Он совершит истребление, и бедствие уже не повторится, / ибо сплетшиеся между собою как терновник и упившиеся как пьяницы, они пожраны будут совершенно, как сухая солома [3, Наум. 1:7–10].

В третьей строфе Ф. Верфель противопоставляет земной мир и человека, тем самым подчеркивая чуждость последнего. Упоминаемые в первом стихе образы отрешенной и погруженной в саму себя природы («*Berge sind und Flächen sind geduldig*») контрастируют с суетностью и скоротечностью человеческой жизни («*Staunen, wie wir auf- und niederweichen*»). Это усиливается образом реки из третьей строки и идеи недоступности бытия и невозможности его познания или обладания им из следующего стиха. Единственное, что по-настоящему принадлежит человеку, по мнению писателя, – это вина («*der Schuld*»), которая и определяет его суть и цель его жизни в 1910-е гг.

В последнем шестистишии продолжается ряд примеров, указывающих на чуждость человека, мимолетность его жизни и его дел. Через перечисление схожих синтаксических конструкций нарастает напряжение и усиливаются чувства отчаяния и безысходности, которые выражены в последних двух стихах: все люди чужды друг другу, и это никогда не изменится.

Несколько иначе раскрываются принципы «чуждость» и «отчуждение» в поэзии А. Эренштейна. В верлибле «Я жизнью и смертью утомлен» («*Ich bin des Lebens und des Todes müde*»), написанном в период 1914–1919 гг., писатель обращается к творчеству других модернистов – французскому писателю Г. Апполинеру и итальянским футуристам:

Und ob die großen Autohummeln sausen, Äroplane im Äther hausen, / Es fehlt dem Menschen die stete, welterschütternde Kraft. / Er ist wie Schleim, gespuckt auf eine Schiene. // Und löst sich selbst die Klammer um die fernste Ferne, / Erdklammer, die und noch nicht läßt, / Weist dereinst an der Ecke ein Heiliger Weltenschutzmännchen / Zum nächsten Nebelstern kürzeste Wege, / – Sterblich vor allen ist die Erinnerung, / Die staubabwischwende Göttin; / Schöne Laubfrösche wuchsen der Dämmernden auf / Und starben dann. / Die brausenden Ströme ertrinken machtlos im Meer. / Nicht fühlten die Siouxundianer in ihren Kriegstänzen Goethe, / Und nicht fühlte die Leiden Christi der erbarmungsglos ewige Sirius! // Nie durchzuckt vom Gefühl, / Unfühlend einander und starr / Steigen und sinken / Sonnen, Atome: die Körper im Raum [2, S. 75].

‘И [даже] если большие машины-шмели гудят, / [И] аэропланы в эфире обитают, / Человеку не хватает неизменной, сотрясающей мир силы. / Он подобен слизи,

которую выхаркнули на рельс. // И ослабляется рамка вокруг дальних расстояниях, / Рамка земли, которая все еще не отпускает, / Покажет со временем на углу святой защитник мира / К ближайшей туманной звезде кратчайший путь, / – Смертна прежде всего память, / Стирающая пыль богиня; / Красивые древесные лягушки выросли в сумерках / И потом умерли. / Бурлящие потоки тонут бессильно в море. / Не чувствовали индейцы сиу в своих военных танцах Гёте, / И не чувствовал страдания Христа бесчувственный вечный Сириус! // Не пронзенные чувствами, / не чувствуя друг друга и неподвижно / Поднимаются и тонут / Солнца, атомы: тела в пространстве’.

Стоит отметить, что принципы «чуждость» и «отчуждение» реализуются уже в названии этого стихотворения. Лирический герой и сам автор словно проводят границу между собой и бытием, отчуждаясь от последнего и рассматривая себя как отдельный объект познания вне его контекста и законов. В самом же художественном тексте лирический герой ни разу не называется или упоминается; таким образом, А. Эренштейн концентрирует внимание на самой сути принципов «чуждость» и «отчуждение», на том, как они представлены во Вселенной без человека. В таком подходе прослеживается основа мировоззрения писателя, а именно, по словам белорусского литературоведа А. А. Гугнина, «ничем не удерживаемый цинизм, разоблачающий все формы человеческого самообольщения, удовлетворения и –соответственно – гуманизма» [4, с. 249].

Структурно это произведение состоит из трех строф по четыре, одиннадцать и четыре строки; как следствие образуется рамочная конструкция, в которой первое и третье четверостишие выполняют функцию введения и заключения, т. е. задают тему всего стихотворения, а наиболее большая по объему строфа представляет собой размышления лирического героя.

Уже в первой строфе предстает мир индустриальной революции, достижения которой поражают воображение («Autohummeln», «Äroplane»). В то же самое время писателем создается контраст между предчувствием светлого и технически прекрасного будущего и ущербностью человека, который сравнивается со слизью или грязью, чье познание ограничено («Es fehlt dem Menschen die stete, welterschütternde Kraft»), а существование протекает параллельно развитию мира («Er ist wie Schleim, gespuckt auf eine Schiene»).

Вторая строфа построена на противопоставлении будущего и прошлого, которое показано через образы святого защитника мира («der Heiliger Weltenschutzmann») и памяти-богини («die Erinnerung-Göttin»). Первый образ отражает видение в начале XX в. нового человека, который движется вперед на встречу блистательному будущему, преодолевая любые препятствия, в том числе груз традиций и устаревших представлений; в образе памяти-богини, отсылающем к богине Мнемозине и реке забвения Лето из древнегреческой мифологии, угадывается ограниченность

возможности человеческого познания, следование уже известному и проверенному предыдущими поколениями. При этом А. Эренштейн показывает, что в этом противостоянии побеждает прошлое, в которое в свое время обратится будущее: для этого писатель обращается к образам природы и показывает их цикличность («Schöne Laubfrösche wuchsen der Dämmernden auf / Und starben dann», «Die brausenden Ströme ertrinken machtlos im Meer»), затем приводит пример чужести культур («Nicht fühlten die Siouhundianer in ihren Kriegstänzen Goethe») и в конце демонстрирует ничтожность человечества во Вселенной («Und nicht fühlte die Leiden Christi der erbarmungsglos ewige Sirius!»), для которой события на одной планете никак не влияют на неисчислимы космические объекты. Из этого следует, что в понимании А. Эренштейна принципы «чужест» и «отчуждение» являются основными законами Вселенной; эта идея находит подтверждение в последнем четверостишии, где показано лишенное чувств движение атомов и звезд, чуждых и отчужденных друг от друга, существующих для самих себя.

Таким образом, можно утверждать, что принципы «чужест» и «отчуждение» являются одними из ведущих философско-эстетических принципов в литературе экспрессионизма, в частности в поэзии австрийцев Ф. Верфеля и А. Эренштейна. Они реализуются на уровне образов, относящихся к реалиям начала XX в., и через аллюзии на Библию и отсылки к текстам писателей-современников.

Библиографические ссылки

1. Пестова Н. В. Австрийский литературный экспрессионизм: монография ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2015.
2. Pinthus, K. (Hrsg.) Menschheitsdämmerung : ein Dokument des Expressionismus : mit Biographien und Bibliographien. Berlin : Ernst Rowohlt Verlag, 1920.
3. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические : Синодальный перевод.
4. Гугнин А. А. Поэты межвоенного периода // История австрийской литературы XX века : в 2 т. / под общ. ред. В. Д. Седельника. М. : ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2009. Т 1. С. 241–261.